

СОНЪ.

(изъ Байрона).

1.

Жизнь двойственна: нашъ сонъ свой міръ имѣетъ,
И этотъ міръ — граница между тѣмъ,
Что ложно мы зовемъ существованьемъ
И смертію; — свой міръ имѣетъ сонъ, —
Обширный міръ дѣйствительности дикой;
Встающія въ немъ грезы дышутъ, плачутъ,
Блаженствуютъ и мучатся; онѣ
На бодрый духъ кладутъ свои оковы,
Снимаютъ гнетъ съ недремлющихъ заботъ,
Двоятъ начь жизнь, и дѣлаются частью
И насъ самихъ, и нашихъ всѣхъ часовъ.
Какъ вѣчности глашатаи, какъ духи
Прошедшаго проносятся онѣ,
О будущемъ вѣщая какъ Сивиллы.
У нихъ въ рукахъ блаженство и печаль,

Онъ изъ насъ все дѣлаютъ, что только
 Угодно имъ, и устрашаютъ насъ
 Видѣнныи временъ давно минувшихъ.
 Но этотъ мiръ, дѣйствительный ли мiръ?
 Не тѣнь-ли онъ былого? Эти грезы —
 Созданiя-ли духа или нѣтъ?
 Нашъ духъ творить тѣла и поселяетъ
 Въ планетахъ онъ такiя существа,
 Прекраснѣе какихъ и не бывало,
 И придаетъ дыханiе тѣламъ,
 Переживать способнымъ все плотское.
 Хотѣлъ бы я опять къ себѣ призвать
 Видѣнiе, которое явилось
 Мнѣ разъ одинъ, — быть можетъ, и во снѣ. .

2.

Два существа во цвѣтѣ юной силы
 Передо мной стояли на холмѣ
 Прелестнѣйшемъ; отлогий и зеленый,
 Онъ цѣпь холмовъ, казалось, замыкалъ.
 Но ногъ его вода не омывала.
 За то ландшафтъ весь полонъ жизни былъ:
 Кругомъ лѣса и нивы золотыя,
 И сельскiя жилища тутъ и тамъ,
 И тихiй дымъ на ихъ убогихъ крышахъ.
 Зеленый холмъ носилъ на головѣ
 Какъ будто бы корону изъ деревьевъ,
 Насаженныхъ въ кружокъ ружой людей,
 А не игрой случайно природы.
 Тамъ дѣвушка и мальчикъ на холмѣ
 Передо мной стояли и смотрѣли:
 Она — на все, что было близъ нея
 И, какъ она, блистало красотою;
 А онъ смотрѣлъ лишь на нее одну.
 И молоды тотъ и другая были,
 Но неравны годами; какъ луна
 Прекрасная на краѣ горизонта,
 Она теперь была близъ къ порѣ
 Последняго, цвѣтущаго развѣтiя.
 А мальчикъ былъ годами не богатъ,
 Но сердце въ немъ опередило годы.
 Его глаза лишь на одно лице

На всей землѣ съ любовію смотрѣли,
 И то лице блистало для него
 Какъ солнца свѣтъ; не могъ онъ оторваться
 Отъ глазъ ея; онъ ею лишь дышалъ,
 Лишь ею жилъ; въ ней слышалъ онъ свой голосъ,
 Предъ ней молчалъ, но звукъ ея рвчей
 Въ него вселялъ какой-то сладкій трепеть.
 Въ ней видѣлъ онъ и зрѣніе свое:
 Глаза его слѣдили за глазами
 Ея одной и видѣли лишь то,
 На что она смотрѣла; всѣ предметы
 Ея лишь взоръ ему украсить могъ.
 Онъ пересталъ жить самъ собой; въ ней видѣлъ
 Онъ жизнь свою, великій океанъ,
 Куда текли стремительно потоки
 Всѣхъ думъ его; звукъ голоса ея,
 Ея руки одно прикосновеніе
 Въ его крови то дѣлали приливъ,
 То вдругъ отливъ, и щеки загорались
 Огнемъ любви, и сердце замирало
 Въ груди, само не зная отчего.
 Но этихъ чувствъ она не раздѣляла,
 И вздохъ ея летѣлъ не для него.
 Онъ былъ ей братъ — и только; кровныхъ братьевъ
 Не довелось имѣть ей, — и ему
 Лишь одному названье это въ дѣтствѣ
 Дала она, — она, послѣдній членъ
 Почтеннаго и древняго семейства.
 Въ былые дни онъ имя то любилъ,
 Теперь оно его не утѣшало.
 И почему? Ахъ, годы принесли
 Нерадостный отвѣтъ его сомнѣнья!
 Ахъ, онъ узналъ, что дорогъ ей другой;
 И въ этотъ часъ, взойдя на холмъ зеленый,
 Смотрѣла вдаль она, чтобъ увидать,
 Спѣшитъ-ли онъ, возлюбленный, на встрѣчу
 Желаніямъ томительнымъ ея!

3.

Но тутъ мой сонъ внезапно прервался.
 Я видѣлъ домъ старинный; передъ нимъ

Оседланная лошадь землю била;
 Въ готической молельнѣ, одинокъ,
 Мой юноша, съ лицомъ печально—блѣднымъ,
 Взадъ и впередъ ходилъ; но временахъ
 Садился онъ и схватывалъ перо
 И вдругъ писалъ загадочное что-то.
 Потомъ опять лице онъ закрывалъ
 Обѣими руками, и все тѣло
 Какъ въ судоргахъ дрожало... Вдругъ опять
 Онъ вскакивалъ, руками и зубами
 Свое письмо на части рвалъ, — но слезъ
 Не проливалъ... Но вотъ онъ сталъ спокойнѣй,
 И тихій свѣтъ проникъ въ его глаза.
 Нежданно дверь молельни отворилась —
 Вошла она, предметъ его любви,
 Съ спокойною и милою улыбкой,
 Хотя хорошо извѣстно было ей,
 Что къ ней пылалъ онъ горькою любовью,
 Что тѣнь ея кидала мрачный свѣтъ
 На душу всю несчастнаго; страданье
 И скорбь его—все видѣла она...
 Но нѣтъ—не все... Онъ всталъ и руку милой
 Пожалъ какъ другъ,—и на лицѣ его
 Я въ этотъ мигъ увидѣлъ начертанье
 Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
 Но скоро все изгладилось... Руку
 Онъ выпустилъ и медленно пошелъ
 Изъ комнаты... Казалось, что разлуки
 Тутъ не было; такъ весело они,
 Спокойно такъ другъ другу улыбались!
 И вышелъ онъ въ высокія ворота,
 Съѣлъ на коня, и поскакалъ впередъ.
 И сраго, стариннаго порога
 Ужъ никогда не видѣлъ съ той поры.

4.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Изъ юноши онъ мужемъ зрѣлымъ сталъ.
 Далекія пустыни знойныхъ странъ
 Избралъ себѣ отчизной, упиваяся
 Палящими лучами; видъ его

И страшень былъ, и мраченъ; не осталось
 Въ немъ ничего отъ прежняго. Всегда
 Онъ странствовалъ по морю и по сушѣ..
 Рой образовъ преслѣдовалъ меня
 И набѣгалъ на душу точно волны,
 Но всюду *онъ* мнѣ видѣлся... И разъ
 Увидѣлъ я: отъ зноя убѣгая,
 Онъ межъ колоннъ разрушенныхъ лежалъ,
 Въ тѣни тѣхъ стѣпъ, развалины которыхъ
 Пережили строителей своихъ.
 И тутъ онъ спалъ. Кругомъ паслись верблюды,
 Не вдалекѣ — фонтанъ, а у него —
 Привязаны породистые кони
 Въ широкій плащъ одѣтый человекъ
 Сидѣлъ какъ стражъ, межъ тѣмъ какъ сладко спали
 Вокругъ него соотчичи его.
 Небесный сводъ служилъ для нихъ покровомъ,
 И этотъ сводъ былъ такъ лазурень, чистъ,
 И такъ блисталъ прозрачной красотою,
 Что только Богъ былъ ясно видѣнъ въ немъ...

5.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Та дѣвушка — предметъ его любви,
 Съ другимъ была обвинчана. Въ отчизнѣ
 Она жила, далеко отъ него.
 Вокругъ нея рѣзвились чудо — дѣти,
 И дѣвочки, и мальчики. Но скорбь
 Была видна въ ея чертахъ прекрасныхъ.
 На всемъ лицѣ лежала тѣнь глубокой
 Борьбы съ собой; тревожно взоръ блуждалъ,
 Какъ будто бы невидимыя слезы
 Какъ тяжкій гнетъ лежали на глазахъ.
 Но гдѣ же, въ чемъ причина этой скорби?
 Вѣдь у нея все было, что она
 Любила такъ; вѣдь тотъ, кто такъ безумно
 Любилъ ее, ушелъ въ далекий край,
 Все унесъ съ собою, что смущало
 Ея души святую чистоту:
 Преступныя надежды, и желанья,
 И явную, тревожную любовь.

Къ чему же скорбь? Вѣдь онъ ей не былъ дорогъ,
 Вѣдь ни одной надежды никогда
 Не подала она ему, и вѣрно
 Не могъ онъ быть виновникомъ того,
 Что въ сердце къ ней теперь выливалось горе,
 Явившись въ немъ какъ призракъ дней былыхъ.

6.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 На родину вернулся странникъ вновь
 Вотъ онъ стоитъ предъ алтаремъ съ невестой.
 Она мила, прекрасна, но не то
 Что та, — звезда всей юности минувшей!
 У алтаря стоитъ онъ; но въ чертахъ
 Такая жъ грусть, какъ нѣкогда въ молельнѣ,
 И та же дрожь, и тотъ же странный видъ,
 И на лицѣ, какъ прежде, начертанье
 Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
 И снова все изгладилось, какъ прежде.
 Такъ онъ стоялъ, спокойный, и обѣтъ
 Проговорилъ спокойно, но не слышалъ
 Самъ словъ своихъ; все шло кругомъ въ глазахъ;
 Передъ собой онъ ничего не видѣлъ,
 И ничего не понималъ. Въ умѣ
 Воскресли вновь старинный домъ, ворота,
 И комнаты знакомыя, и мѣсто,
 И день, и часъ, и солнца свѣтъ, и тѣнь,
 И, ахъ, она — судьба его всей жизни...
 Все видитъ онъ, все вспоминаетъ онъ...
 Но для чего вы, злые сны былого,
 Не кстати такъ, не въ время пришли?

7.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Та женщина, кого онъ такъ любилъ, —
 О, какъ ее душевные недуги

Ужасно измѣнили! Духъ ея
 Разстался съ ней и странствовалъ далеко;
 Въ глазахъ ея потухнулъ прежній блескъ,
 Смѣнившійся небеснымъ выраженьемъ;
 Царицею жила она теперь, —
 Царицею въ своемъ волшебномъ царствѣ.
 Въ ея умѣ смѣшались межъ собой
 Несродныя одна съ другою мысли,
 И образы, невидимые намъ,
 Ея глазамъ являлись очень ясно.
 И свѣтъ ее безумною назвалъ.
 Но мудреца безумье смыслъ глубокий
 Въ себѣ таитъ, и вся тоска его —
 Ужасный даръ. Она ничто иное
 Какъ телескопъ всей правды, съ жизнью насъ
 Сближающій: она намъ помогаетъ
 Всю эту жизнь увидѣть въ наготѣ,
 И черезъ чуръ, до ужаса правдиво,
 Холодную дѣйствительность рисуеть.

8.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Скиталецъ былъ, какъ прежде, одинокъ.
 Изъ тѣхъ существъ, которыми онъ прежде
 Былъ окруженъ, одни ушли, другіе
 Шли на него открытою войной.
 Онъ на челѣ носилъ печать проклятья
 И горести отчаянной; кругомъ
 Тѣснилися презрѣніе и злоба;
 Во всемъ вкушалъ онъ горькую печаль,
 И наконецъ, какъ Митридатъ Понтійскій,
 Питаться сталъ отравой, но она
 Утратила надъ нимъ всю злую силу
 И только жизнь поддерживала въ немъ;
 Да, онъ жилъ тѣмъ, что для другихъ — могла.
 Сдружился онъ съ горами; разговоръ
 Велъ съ звѣздами и духами вселенной;
 Они его учили чудесамъ
 Таинственныхъ мистерій; книга ночи
 Теперь была открыта для него,
 И голоса, несясь изъ безднъ глубокихъ,

О таинствахъ и чудесахъ ему
Чудснаго шептали много, много...

9.

Мой сонъ прошелъ. Окончались видѣнья.
Но странно! жребій этихъ двухъ существъ
Почти-что былъ съ дѣйствительностью сходень.
Безумье жизнь покончило въ одномъ,
Страданіе великое — въ обонхъ.

И. Шейбергъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

6.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

Feb

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.